

К 75-летию со дня смерти

К. Д. УШИНСКИЙ

Г. Е. ЖУРАКОВСКИЙ,

член-корреспондент Академии педагогических наук

На долю Константина Дмитриевича Ушинского выпало редкое в то время счастье: в условиях России эпохи Николая I провести свои молодые годы так, что о них остались у него лучшие воспоминания. Семья, в которой родился и вырос Ушинский, принадлежала к числу немногих просвещенных, культурных помещичьих провинциальных семей. Родители «хранили в жизни мирной привычки милой старины», в доме была большая библиотека, при доме большой сад, за домом развертывались поля, леса и протекала река Десна. В четырех верстах виднелся маленький городок Новгород-Северский.

Мать Ушинского, давшая сыну много радостных детских дней, умерла, когда мальчику было 10 лет. Отец женился вторично, и в лице мачехи Ушинский снова встретил воплощение женской любви и постоянного внимания. Одиннадцать лет Ушинский поступил в 3-й класс гимназии.

Русская средняя школа тех дней была суровою школою, но Новгород-Северская гимназия была исключением. Ее директор — выдающийся ученый-специалист по античной философии и литературе — Гимковский, хотя и не особенно усердно занимался делами гимназии, сумел внести в нее дух гуманности, любви к науке и уважения к русской истории.

Провинциальные учителя не могли удовлетворить всех запросов молодого Ушинского, и он много работал самостоятельно. Между прочим, еще на гимназической скамье он прекрасно изучил немецкий язык. После окончания гимназии Ушинский поступил на юридический факультет Московского университета. Этот факультет был в то время лучшим в лучшем университете России. Два профессора составляли его славу: профессор Грановский, с именем которого соединяется представление об обаятельном человеке, выдающемся

ученом, передовом общественном деятеле, властно ведущем молодежь к вершинам науки, и профессор Редкин, глубоко заинтересованный вопросами педагогики, издатель педагогических журналов. Ушинский блестяще окончил университет и вскоре получил назначение на кафедру в ярославский Демидовский юридический лицей.

В Ярославле живой, увлекающий Ушинский встретился лицом к лицу с нравами и традициями дореформенной России: деятельность профессоров находилась под постоянным, почти полицейским надзором.

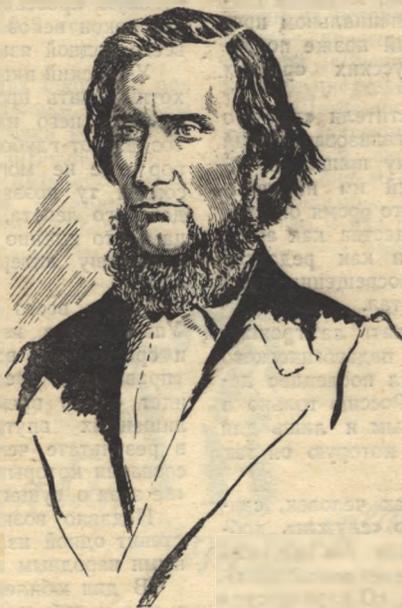
Вскоре Ушинский, уже успевший стать любимцем молодежи, должен был покинуть лицей и на несколько лет отстраниться от педагогической работы как «политически неблагонадежный». В это время он пишет в журналах, занимается переводами.

Только через несколько лет, в 1854 году, Ушинский возвращается к педагогической работе — сперва как преподаватель и инспектор Гатчинского сиротского института, а позже как инспектор Смольного института в Петербурге.

Четырехлетний период жизни и работы Ушинского в Гатчинском сиротском институте, на протяжении которого он усиленно занимался своим педагогическим самообразованием,

был прежде всего временем подготовки к его блестящей педагогической работе в Петербурге. Эта работа привела его к борьбе в том «темном царстве», каким был петербургский Смольный институт и в котором, говоря словами мемуаристки Е. Н. Водовозовой, «всесильная начальница Леонтьева, не имея ни малейшего представления о просвещенном абсолютизме, управляла... как монарх, не ограниченный никакими законами, по образцу восточных деспотов».

При начальнице состоял штат ее прямых помощниц. Через них она получала все сведения о том, что делалось на уроках, в дортуарах и т. д. Ученицы не только не имели права вести частных разговоров с преподава-

телями, но и ставить им вопросы на уроках. В таких условиях между учителями и институтками существовала незримая стена. Лишенные всяких стимулов к улучшению своей работы, преподаватели вели эту работу кое-как. Библиотеки в институте не было. Ученицы выпускного класса знали только понаслышке имена Пушкина и Гоголя, никто из них, как свидетельствует та же Водовозова, не читал ни «Евгения Онегина», ни «Мертвых душ». Русский язык считался чем-то неуместным, и в институтских коридорах звучала только французская речь.

Ушинский бурно, как майская очистительная гроза, ворвался в жизнь института. Учителя, явно не способные вступить на новые пути, должны были покинуть институт. Права свиты начальницы были резко ограничены. Появилась библиотека. Изменились методы занятий, для руководства которыми были приглашены молодые талантливые преподаватели. При институте была организована воскресная школа грамоты, где в роли преподавателей выступали и ученицы. Перед ученицами открылись необъятные дали русской литературы, и они впервые не только услышали имя Белинского, но вслед за этим получили возможность и прочитать его произведения. Для кончающих институт Ушинский организовал цикл собственных лекций на педагогические темы, едва ли не впервые в стенах русской средней школы. Это были страстные, горячие импровизации, незабываемые на всю жизнь.

Итоги всех практических мероприятий, имевших громадный успех, Ушинский обобщил в специальном проекте преобразования института, который позже послужил основой для преобразования русских средних женских школ.

Как могли ответить на все это властители «темного царства»? Против Ушинского был организован целый поход, с доносами, клеветой и т. д. Ему пришлось покинуть Смольный институт, поднятый им на небывалую высоту, несмотря на то, что в это время он стал известен широким кругам русского общества как автор выдающихся педагогических трудов и как редактор «Журнала министерства народного просвещения», над улучшением которого он много поработал.

Ушинскому было предложено выехать за границу якобы с целью изучения заграничного педагогического опыта. Там, за границей, он и прожил последнее десятилетие своей жизни и вернулся в Россию только в 1867 году, будучи уже тяжело больным и лишь для того, чтобы умереть в родной стране, которую он так пламенно и беззаветно любил.

Ушинский дорог нам не только как человек, свидетельствующий о том, что невозможно «служить добру, не жертвуя собою», — он дорог нам так же, как автор произведений: «Человек, как предмет воспитания», «О пользе педагогической литературы», «О народности в общественном воспитании», «О нравственном элементе в русском воспитании» и других, составляющих славу и гордость нашей классической педагогической литературы.

Тематика теоретических работ Ушинского разнообразна; но у него есть несколько излюбленных им идей, к которым он часто возвращается и которые делают его имя особенно близким и дорогим для нас. К числу этих излюбленных идей Ушинского относится его идея о народности и общественном воспитании.

Выдвигая идею «народности» как основу воспитания, Ушинский имел в виду не ту или иную отдельную народность, но великое национальное достоинство, составляющее основу жизни каждого народа.

«Народность, — пишет Ушинский, — является до сих пор единственным источником жизни народа в истории.

В силу особенности своей идеи, вносимой в историю, народ является в ней исторической личностью...

Каждому народу суждено играть в истории свою особую роль, и если он позабыл эту роль, то должен удалиться со сцены: он более не нужен...»

В основе этих высказываний Ушинского лежит глубокая и правильная мысль о важности и необходимости всестороннего развития национальных начал каждого народа в условиях прогрессивного воспитания.

Выросший сам в окружении хотя и несколько патриархального, но тем не менее глубокого и искреннего уважения к русским национальным традициям, Ушинский был свидетелем в то же время великого пренебрежения к этим традициям в среде русского дворянства.

«В России домашнее воспитание, — писал А. С. Пушкин, имея в виду дворянские традиции, — есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенок окружен одними холопами, видит гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем».

Этому-то узкоклассовому воспитанию, осмеянному еще в «Бригадире» Фонвизиним, герои которого сожалеют о том, что им довелось родиться русскими людьми, Ушинский противопоставляет ту могущественную русскую крестьянскую стихию, в которой сохранились с ископом веков здоровые, народные начала и прежде всего родной язык.

Ушинский пишет: «Не забудем, что если мы многому хотим учить простой народ, то есть многое, чему мы сами от него научились. Не забудем, что этот народ создал тот глубокий язык, глубины которого мы до сих пор еще не могли измерить; что этот простой народ создал ту поэзию, которая спасла нас от забавного детского лепета, на котором мы подражали иностранцам; что именно из народных источников мы обновили всю нашу литературу и сделали ее достойною этого имени».

После всего сказанного мы можем понять, почему Ушинский в изучении родного языка видел основу и средоточие всей учебной работы нашей школы, справедливо представлявшейся ему, поскольку речь идет о его времени, каким-то одеялом из лоскутьев, лишенных внутреннего единства и взаимной связи, в результате чего из такой школы выходили люди, в сознании которых мысли и представления жили рядом, «не зная о существовании друг друга».

Недавно возникшая Академия педагогических наук ставит одним из своих почетных задач сделать доступными народным массам произведения Ушинского.

В дни юбилея Ушинского особый вес и особое значение приобретают заключительные слова Михаила Ивановича Калининна в январе 1941 года на всероссийском совещании руководящих работников народного образования:

«Вот и все мои практические соображения.. Но, говоря по совести, они не являются моими, оригинальными в строгом смысле этого слова. Все это я вычитал у старых русских педагогов, большею частью у Ушинского. А ведь он писал 80 лет тому назад. Но, товарищи, вещи-то полезные, я смотрю! Мы живем 80 лет спустя, у нас уже социалистический строй. Но я вижу, что те идеи, которые развивал в свое время Ушинский и которые я здесь выдвинул в качестве практических предложений, это настоящие педагогические идеи. Мало того, я считаю, что они только в социалистическом обществе и могут быть полностью осуществлены».